

ЕЛЕНА ПОТЕХИНА

Uniwersytet Warmińsko-Mazurski w Olsztynie

СИСТЕМА ЦЕННОСТЕЙ СТАРООБРЯДЦЕВ-БЕСПОПОВЦЕВ В ИСТОРИЧЕСКОЙ РЕТРОСПЕКТИВЕ

The system of values of the priestless Old Believers in an historical retrospective

Ключевые слова: история старообрядцев Польши, наследие Войновского монастыря, грех, исповедь, система ценностей

KEYWORDS: history of Old Believers in Poland, heritage of the monastery in Wojnowo, penance, confession, system of values

АБСТРАКТ: The article discusses some problems of the sacrament of penance, connected to the system of values, contained in the text of hand written document called 'A Rite of Confession' from the collection of library of the nunnery of the Holy Trinity and the Savior in Wojnowo (Poland). Because the Old Believers did not recognize the jurisdiction of state authorities, considering the authorities as the embodiment of the Antichrist, all aspects of social life of the Old Believer's community were governed by the provisions of ancient Byzantine canon law from No-mocanon and by traditional norms of ethics. The penalty for each offense was determined by confessor and could be defined by dint of the text of 'A Rite of Confession'. The author discusses the legitimacy of using the modern approach to describing the value system with respect to historical texts.

1. Введение

Целью этнолингвистических исследований является реконструкция культурной картины мира, запечатленной в системе языка и в наиболее репрезентативных для данного сообщества, прецедентных текстах. Ошибочно, что убедительно показал, например, А. Киклевич (2004; 2010; 2011; 2017), этнолингвистику в России и бывших республиках СССР, а также в Польше, Болгарии и Китае относят к области когнитивных исследований, так как предмет ее изучения не имеет ничего общего с переработкой информации в сознании человека. Напротив, данные исследования достаточно перспективны для изучения коллективного или массового сознания, в частности, принятой в данном культурном

сообществе системы ценностей, которая, по предположению ученых, является фундаментом коллективной самоидентификации социальных групп, в том числе и супрагрупп, таких, как этносы. Структура системы ценностей и способы ее манифестации в языке рассматриваются в многочисленных работах (см. Арутюнова 1988; 2005; Puzynina 1982; 1992; 2013; 2014; Бартминский 2005; Bartmiński 2006; Krzeszowski 1997; Kurczab 2012; Warchał 2012; Niebrzegowska-Bartmińska 2012; Kiklewicz 2009; 2012 и др.). В основе систематизации и структурирования представлений о ценностях лежат работы М. Шелера, Р. Ингардена, М. Рокича и В. П. Тугаринова и др.

2. Исследование языковых средств выражения оценки

В последние десятилетия аксиологическая лингвистика стала объектом активного изучения славистов. На XIV Международном Конгрессе Славистов в Охриде (Македония) в рамках этнолингвистического блока обсуждался проект международного сотрудничества по изучению культурно-языковой картины мира славян и их соседей. Результатом обсуждения стало создание рабочей группы Комиссии по этнолингвистике, аккредитованной при Международном комитете славистов: EUROJOS (ЕвроЯКМ). Группа предполагает проведение сопоставительных исследований с опорой на системные данные языка (лексику и фразеологию, словарные определения и коллокации). В качестве исследовательского материала используются национальные корпуса текстов и результаты анкетирования. Отдельную проблему представляет анализ устных и письменных текстов с точки зрения выраженной и скрытой информации (пресуппозиций).

Польская исследовательская группа, руководителем которой является Ежи Бартминский, предложила список ценностей для польского языкового круга, включающий 84 лексические единицы (Бартминский 2009). Поскольку аксиологическую лексику, употребляемую в каждом из языков, охватить невозможно, было предложено выбрать определенное число понятий (концептов), входящих в семантическое поле «мир человека», которые имеют оценочные коннотации или могут их приобретать в контексте. Указание на предпочитаемые или доминирующие в системе ценностей данной культуры элементы предполагает построение модели по иерархическому принципу. К числу таких элементов было принято отнести наименования, образующие семантические оппозиции и распределенные по нескольким лексико-семантическим группам: 1) пространственные представления (*дом, город, страна, Европа, Азия, Запад, США*); 2) наименования, определяющие человека, его жизненную позицию, личные качества (*любовь, дружба, верность, честь, достоинство, мужество,*

с одной стороны, и *предательство, ненависть, месть*, с другой); 3) наименования сообществ людей, социальных позиций и качеств: *семья, брак (супружество), народ, человечество, братство, солидарность, ответственность, толерантность, гостеприимство*; 4) наименования субъектов политической жизни: *государство, власть, партия, патриотизм, национализм, шовинизм, демократия, тоталитаризм, социализм, коммунизм, интернационализм, космополитизм, глобализация, самоуправление, революция, терроризм* и под.; 5) наименования идеологических представлений: *свобода, равенство, независимость, родина* и др.; 6) религиозные понятия: *Бог, вера, религия, церковь, вина/грех* и др.; наименования общих понятий: *добро и зло, правда и ложь, обман, красота, знание, прогресс, работа, трудолюбие* и под. (ibidem).

Предполагается также, что аксиологическую систему конкретной культуры можно реконструировать на основе определенных жанров текстов, содержащих отражение ценностей на «интенциональном уровне» (ibidem) и репрезентирующих «аксиологический канон». В христианской культуре, по образному выражению Н. Б. Мечковской, «роль языка по отношению к духовной культуре общества сопоставима с ролью словаря по отношению ко всему разнообразию текстов, которые можно написать с использованием этого словаря» (Мечковская 1988, 30, 36).

Если «содержание религии – это библиотека конфессиональных текстов» (ibidem), то в таких текстах выражается и система ценностей этой культуры. Старообрядческая культура особым образом связана с книгой, а значит, в текстах, знаковых для этой культуры, следует искать ценностную составляющую.

В связи с вышесказанным в статье будет проанализирован «Чин исповеданию» – один из наиболее важных для старообрядцев-беспоповцев текстов, предназначенный для совершения таинства покаяния.

3. Система ценностей в тексте «Чина исповеданию»

Исследователям старообрядческой культуры приходится считаться с тем, что с самого начала Раскола под общим названием «старообрядчество» существовали отдельные «толки» (течения, согласия, общины), характеризующиеся существенными догматическими различиями, поэтому для определения аксиологического канона обязательно должны быть привлечены не только богослужебные тексты, но и полемическая литература.

«Чин исповеданию», текст, содержащий обряд совершения таинства покаяния, центральным элементом которого является исповедь, как нельзя больше подходит для экспликации системы ценностей. Документ, о котором идет речь в данной статье, находится в собрании бывшего Спасо-Троицкого монастыря, построенного федосеевцами в середине XIX в. в основанной

ими же дер. Войново (бывшая Восточная Пруссия, ныне Мазурское поозерье в Польше) в составе рукописного потребника. Сущностью обряда покаяния является признание в совершенных грехах, причем грех в данном случае понимается как зло, антитеза добру, ср. «Кто разумеет делать добро и не делает, тому грех» (Иак. 4: 17).

3.1. Текстологические сведения

Описания порядка совершения ритуальных религиозных действий в христианских общинах, также в старообрядческих, специально создавались для богослужебных целей на основании «Номоканона», содержащего постановления церковных соборов, и отдельных церковных уставов и складывались в течение длительного времени. Эти тексты, называемые чинами (совр.: чинопоследование), регламентировали поведение и поступки членов общины. «Чин исповеданию» занимает особое место у старообрядцев-беспоповцев, поскольку в условиях отсутствия церковной иерархии у них сохранились только два из семи таинств: крещение и покаяние, которые могут совершать миряне.

Первое научное исследование документов, регламентирующих порядок таинства покаяния на основе литургических и канонических памятников по греческим, южнославянским и русским рукописным текстам XII–XVII вв. было предпринято в конце XIX в. А. И. Алмазовым (Алмазов 1894).

Как показывает исследование Алмазова, конкретный анонимный экземпляр такого текста трудно персонифицировать и прототипизировать, однако можно косвенным образом датировать (пусть приблизительно), даже локализовать (хотя бы по данным языка). Исследование текста в его историческом и региональном контексте показывает, что исповедь отражает менталитет православного приверженца «старой веры», формировавшийся в определенной общине в конкретную эпоху в связи с известными трагическими событиями в русской истории и менявший свою структуру с течением времени. Войновская рукопись отражает систему ценностей деревенской или местечковой конфессиональной общины XIX в., регламентирует поведение ее членов, которым приходится жить в неоднородной с точки зрения культуры среде.

На основании сопоставительного исследования текстов «чинов», примеры которых приводятся А. И. Алмазовым в третьем томе упоминавшегося выше исследования, можно утверждать, что первая, ритуальная часть текста представляет собой сокращенную схему, составленную на основе известного греческого пространного исповедального устава Иоанна Постника (Алмазов 1894/ 1, 79–85, 90). На старообрядческий характер нашей рукописи, кроме ее местонахождения (в моленной Войновского монастыря), указывает также единственное условие проведения исповеди: перед святым Евангелием (ВР, л. 1).

3.2. Проблема иерархии ценностей

Аксиологическое содержание текста определяется его предназначением: все действия, за совершение которых предполагается епитимья, оцениваются как греховные. Содержание вопросов конкретизирует «грех» путем его наименования как действия и в некоторых случаях определяет также некоторые условия, в которых он имел место. Войновская рукопись отличается от других известных нам рукописных текстов тем, что каждый вопрос сопровождается сделанной красной тушью записью, определяющей епитимью.

Оценка может выражаться при помощи как лексических, так и синтаксических средств. Поскольку речь идет о действиях, в тексте встречается большое количество глаголов позитивной (реже): *веровать, чтить, почитать, поклоняться*, и негативной оценки: *злоречить, дразнить, бранить, обмерить, обвесить*. Аксиологическое содержание лексем определяется также ситуацией, а их аксиологическая составляющая вытекает из социально обусловленной этической оценки обозначаемых ими действий. Беседа с исповедником оформлена при помощи вопросительных предложений структуры *не ... ли*, характеризующихся как осложненные значением неуверенного предположения (Шведова 1980, 388). Такой вопрос предполагает утвердительный или отрицательный ответ, при этом ответ утвердительный подтверждает негативное предположение о совершении греховных действий.

В начале списка вопросов находятся основные, восходящие к катехизису. Эти вопросы, с одной стороны, служат для идентификации принадлежности исповедующегося к христианской религии, а с другой – для т.н. огласительного наставления, припоминания о сущности христианской веры и православной традиции. Характерно, что ответы на эти вопросы даны в тексте (ВР, лл. 20–26):

- (1) Вѣрѹешли во оца и сѣна и сѣаго дѹха. Ѡвѣщааетх: вѣрѹю чертныи оче
- (2) Вѣрѹешли в прѣчюу кѣз и во всѣ сѣмѣ. Ѡвѣщааетх: вѣрѹю чѣтныи оче
- (3) Покланѣшилисѣ Ѡбразѹ хрѣтовѹ и пречѣтѣмѣ кѣмѣ и всѣмѣ сѣмѣ на ико́на написанѣмѣ. Вѣрѹю чѣтныи оче и покланѣюсѣ
- (4) Недѣрѣжишли ереси которѣи или рѣдорѹ самоемѣшленѣаго. Исповѣдѣшлинѣ вхѣ тѣрѣце единаго кѣа немѣсна и нерѣделна и есприносѹшна. Исповѣдѹю оче.
- (5) Исповѣдѣши ли хрѣта в дѣлѣ естествоѣкѣ вѣжестѣкѣ и чѣлчестѣкѣ во едином же лице и вѣрѹешли. Исповѣдѹю чѣтныи оче и вѣрѹю
- (6) Почитаешли чѣтныи крѣсть гдѣнѣ и покланѣшили сѣа. Почитѣю чѣтныи оче и покланѣюсѣ
- (7) Исповѣдѣшлинѣ прѣчюу кѣзѣ сѹщюу мѣтѣрѣ истиннаго кѣа на́шего иѣа хѣта тѣворѣа всѣй тѣвѣри. Исповѣдѹю чѣтныи оче.
- (8) Чѣтѣшлинѣ сѣаго юанна прѣчюу крѣтѣла хѣба и сѣтѣмѣ аплѣи и сѣтѣмѣ прѣрокѣи и мѣчѣи прѣбѣныхѣи и прѣвѣныи и вѣсѣхѣ сѣтѣмѣ и вѣрѹешлинѣ еако оугодиша кѣзѣ. Покланѣшлинѣ сѣа моцеѣмѣ ихѣ. Почитѣшлинѣ пѣмѣати ихѣ чѣтѣнкѣ. Ѡбразѹ сѣтѣмѣ тѣрѣцы и хрѣтовѣзѣ, чѣтѣнаго крѣта наикѣонахѣ во Ѡбразѣнѣныхѣмѣ покланѣшлинѣсѣа. Покланѣюсѣа чѣтѣи оче
- (10) Ѡбразѹ прѣчѣтѣмѣ кѣмѣ и вѣсѣхѣ сѣтѣмѣ наикѣонахѣ написанѣи. Покланѣюсѣа чѣ. оче

Может ли такое расположение вопросов свидетельствовать об иерархии ценностей? Наверное, может. Вместе с тем очевидно, что в случае отрицательного ответа на них дальнейшие обрядовые действия просто не будут иметь места. Катехизическая часть заканчивается чтением молитвы «Верую». Далее написанным киноварью заглавием отделена часть вопросов, обращенных к лицу, не бывшему ранее на исповеди и пришедшему к данному исповеднику впервые. Вопросы касаются времени и обстоятельств принятия крещения (давно ли пришел «в христианство», в каком возрасте, крестился ли в здравии или в немощи, кто крестил), твердости в вере («не сумневался ли в чем еже о вере и о крещении», или «о житии христианском»), соблюдения постов и исполнения наложенных «епитемий», благоговейного отношения к крестному знаменю и к участию в службе. Тут же появляется вопрос, непосредственно связанный с федосеевской доктриной, который позволяет определить относительное время создания рукописи. Спрашивается, не оправдывает ли кающийся чем поморцев или новожен¹ (ВР, л. 28 об.), за ним следует очередной важный для старообрядцев всех согласий вопрос о том, не почитал ли кающийся всех христиан заодно и не молился ли (с ними вместе). Таким образом, доктринальные принципы оказываются на втором месте в иерархии ценностей после основ христианского вероучения.

Порядок следования очередных вопросов явно не урегулирован. Например, вопросы, связанные с религиозной чистотой многократно повторяются в разных местах ВР:

- (11) немы́тыми рѣками некаса́лась ли ѳи до стѣхъ ико́нъ и кни́жъ, и́ли хлѣ́ба ножь ковшъ и́ли немолна́ль ли бѣ́ѣ (ВР, л. 29 об.)
- (12) оу́вертничко́въ не а́далъ ли снѣ́ми и́ли и́зѣхъ соудѣо́въ (ВР, л. 46 об.)
- (13) нехо́дилъ ли въ мѣ́чѣтъ татя́рскѣю и́ли вко́ртѣл немецкѣю, и́ли вшко́лъ к жндам немы́льъ ли снѣ́ми бѣ́анѣ, нехо́дилъ ли снѣ́ми гдѣ́ въ а́рмонкѣ́ въ трахтѣ́рѣ и́въмѣ́стѣ́ снѣ́ми ѣ́лъ и́ пи́лъ (ВР, лл. 48 об. - 49)
- (14) пѣ́темъ на́ѣчи и́ли вѣ́домъ прише́ невѣ́рныхъ и́ли некрещѣ́номѣ́ здра́стѣ́ѣи и́ли бѣ́жъ впо́моць и́ли бѣ́жъ прогнѣ́тъ (ВР, л. 50 об.)

Вне религиозного контекста довольно сложно себе представить, какую из ценностей можно эксплицировать на основании большинства вопросов, хотя все они, несомненно, содержат конкретные нормы поведения в обществе. Речь идет уважении к личности. Так, не следовало подглядывать за соседями или подслушивать их, переносить сплетни со двора на двор. Из текста рукописи

¹ Содержание вопроса о поморцах и новоженах восходит к XVIII веку: раскол между федосеевцами (старопоморцами) и представителями Поморского согласия датируется 1706 г. (Федосеевцы прекратили всякие отношения с поморцами), тогда как начало полемики о браке в беспоповской среде относится к концу XVIII – началу XIX в. (Белобородов 2017).

следует, что староверам предписывалось особое отношение к детям: нельзя было бранить малых детей, досадовать на них или смеяться над молодежью, а также к больным и увечным (слепым, глухим, хромым, немым) – смеяться над ними грех (л. 38). Ср.:

- (15) не злорѣчишь ли оцѣмъ или мѣтерн крѣтным;
- (16) оца дѣховнаго или оца рѣднаго или мѣтерь или брата или сестрѣ не бѣли;
- (17) не зѣкалѣ ли когò жидомѣ и кѣсомѣ или собакоу
- (18) не плѣнуѣлѣ ли комѣ врожѣ и вбѣродѣ
- (19) пѣсѣтѣ комѣ неказалѣ ли
- (20) не дразнилѣ ли когò глѣзыкомѣ
- (21) не бранилѣ ли снохѣ или сѣкѣкромѣ. сѣоловкѣ кѣрѣ блѣдѣ сѣка вѣдѣма подалѣ или такѣжа и не прѣгнѣлѣ
- (22) не сѣажѣшли надѣлѣ жнѣкѣ бы тѣбѣ зѣрылѣ или когò томѣ побѣчилѣ или кѣѣртѣ когò не сѣлѣлѣли

Согласно Восьмой заповеди, ценились честность и порядочность в экономических отношениях:

- (23) прѣѣмла чѣтѣ и крѣдомѣ ѡнѣ такѣже покѣѣѣтѣ гѣко чѣтѣ
- (24) ѡбмѣннѣ и чѣтѣ ѣднѣ сѣдѣ
- (25) вѣзѣчо зѣймомѣ и окѣмомѣ ищѣли вѣмѣтѣннѣ ѡѣтѣвнѣтѣ (ВР, л. 47 об.)

Имущество также представляет собой ценность, а поэтому на исповеди следовало покаяться также в порче или уничтожении чьего-либо имущества (не сжег ли исповедующийся по злобе чьего-либо дома, гумна или стога, или не вытравил ли своим скотом чужого поля или в лугах травы, не перепахал ли чужой пашни, не скосил ли чужой травы – ВР, л. 38). Отдельно перечислялись епитимьи за украденную у соседа соль, муку, рубаху, шубу, обувь или пряжу, за масло, яйца или холст, за кражу рябины, черемухи, гороху в поле или репы (л. 46 об.). Торговец обязан был ответить на вопрос, не обмерил ли, не обвесил ли он кого-нибудь. В рукописи отражены отношения хозяина и наемного работника: упоминается об уплате работнику (особенно сироте), о вычетах из заработанного вопреки договору, о повиновении властям и об уплате налогов.

«Чин исповеданию» не только вводит правила общения между членами общины и членами семьи – в нем регламентируются отношения к домашнему скоту епитимья налагалась не только за убийство, но и за битье курицы, петуха, кошки или собаки (л. 44), а также запрещалось бранить скот (л. 52).

Особое отношение к нарушению Седьмой заповеди предписывало строгие наказания для «блудников» и «блудниц». Современная практика исповеди не допускает обсуждения интимных вопросов, поскольку исповедующийся

сам решает, в чем он согрешил и в чем чувствует необходимость покаяться, тогда как в Войновской рукописи физическая близость между супругами регламентировалась в отношении формы и времени.

Наиболее регламентированную область жизни в общине, наряду с интимными отправлениями, о которых мы здесь говорить не будем, представляет собой процесс приема пищи. Естественно, регламентируются определяемые церковной традицией посты, поэтому есть скоромное в пост – грех, а кроме того, старообрядцам запрещалось пить чай и вино (ВР, л. 35). Греховным считалось есть не помолясь, перекусывать в перерывах между установленными приемами пищи и после вечерни (ВР, л. 31) и т.д., то есть определенной ценностью представлял этикет поведения за столом:

- (26) *чакóжде безвременно междѹ ѡбѣдамъ неѣдали ли да́же нѡмáлого какоѹ ѡвоцѣа· лѹкѹ· рѣпы· горохѹ· гáгод или бѣлѹбокѹ бѣчерѹ илѣи ѡтѣромъ рáно* (ВР, л. 31 об.)
- (27) *рáно дообѣда нѣчто мѣждѹ ѡбѣдами не гáчили, покóчегкѣи немолáсь ночью про_блѹжались не пѣшли гáко скóтѹ* (ВР, л. 49 об.)
- (28) *нехóдишли ли нззачто́а бó время ѡбѣда надвóрѹ* (ВР, л. 33)
- (29) *немолáсь зачасѹ неѡбѣдывáли, илѣи пóсле пакѣчери не пилѣи* (ВР, л. 31);
- (30) *непили чаю илѣи вина* (ВР, л. 35);
- (31) *Ѽмногодѣнѣа небы́ло ли клѣанѣа илѣи ѿ пѣанѣтка* (там же);
- (32) *на ѡблицѣ ексѣкомѹ хóдга нѣѣли ли* (л. 49 об.).

В Войновской рукописи зафиксированы адресованные женщинам вопросы, связанные с телесной чистотой, осуждением преувеличенного внимания к своей внешности и одежде, а также нескромного поведения:

- (33) *неме́лась ли до слѣзѹ* (ВР, л. 35)
- (34) *прóбо ковля́хѹ бесплáча немолáсь ли* (ВР, л. 32 об.)
- (35) *нехóдишли бѣвѣрѹхѹ* (ВР, л. 39 об.)
- (36) *ненóишь ли пѣрѣтна* (ВР, л. 39 об.)
- (37) *ненóишли стáтнѣи н ситцовѹ сарафанѡ цвѣтнѹхѹ плáтковѹ или забавнѹхѹ чапчю́рѹ со скрѣпомѹ или сѣлѣитомъ* (ВР, л. 39 об.)
- (38) *в зѣркало неглядѣишли* (ВР, л. 40)
- (39) *небѣли́лась ли бѣли́лась или рѹмáнамѹ мáзлась* (ВР, л. 40).

В исторической ретроспективе следует рассматривать вопросы о том, читит ли исповедующийся «отца отечества государя всемилостивого» и молится ли за властей «вседневную лестовку». Вопрос о «вседневной лестовке» за власти предержавшие по-прежнему актуален, он записан в Уставе 1883 г. Так как обязательную молитву за царя старообрядцы приняли в 1738 году, вопрос может свидетельствовать о том, что федосеевцы все же допускали возможность этой молитвы.

Покаяться следовало также тем, кто посвящал свое время мирским развлечениям: танцам, песням, забавам и играм (картам, шашкам и др.) (ВР, л. 50), посещал театр или «камедь». Вопросы, связанные с нарушением Шестой Заповеди, учитывают не только намеренное лишение человека жизни – к убийству приравнивается также подкидывание рожденного ребенка в руки неверных (скверных) или оставление его в «пустом прохожем месте». Свидетели, а точнее свидетельницы такого преступления (двоюродная сестра, мачеха, теща, жена сестра) также обязаны покаяться (л. 42 об. – 43).

Анализ содержания вопросов из Войновской рукописи «Чина исповеданию» позволяет предположить, что в старообрядческой общине таинство покаяния играло очень важную роль в формировании не только религиозного мировоззрения, но и системы ценностей, консолидирующей конфессиональную группу. Однако необходимо отметить, что понятие греха характеризуется в истории содержанием, отличным от современного (ср.: Потехина 2009, 43–70). Из разговоров со старообрядцами известно, что полный текст «Чина исповеданию» не используется, а наставники используют форму групповой исповеди (при чтении списка грехов виновные в совершении того или иного из них склоняют голову в знак признания). Войновские старообрядцы в начале XX века отошли от федосеевской доктрины и сегодня не представляют себе жизни в безбрачии или сожителства мужчины и женщины вне брака; они пьют и чай, и кофе, приглашают за стол иноверцев и т.д.

Из рассмотренного текста вытекают следующие выводы: эксплицированные ценности не представляют собой иерархически организованной системы и в исторической ретроспективе изменялись. Утилитарный характер текста следует из его предназначения, а религиозный дискурс определяет его идеологическую основу. В тексте обнаруживается разделение повседневного быта старообрядца на известные исследователям культуры сферы сакрального и профанного, и можно предположить, что это разделение соответствует дихотомии запрета/позволения, т.е. разделению на разрешенное и запрещенное по причине совершения греха. Жизнь православного христианина-старообрядца проходила под знаком неукоснительного исполнения божественных предписаний, за нарушение которых полагалось довольно строгое наказание: многолетний пост (часто на хлебе и воде или сухой пище), многократные поклоны (от ста до нескольких тысяч ежедневно в течение недель, месяцев и лет). Выполнение всех содержащихся в «Чине покаянию» предписаний следует отнести к сфере недостижимого желаемого и современный рациональный человек многих из них не понимает. Таким образом, реконструкция системы ценностей на основании исторических текстов неизбежно будет носить пятно анахронизма: определенная часть старых предписаний, действий, иногда кажущихся смешными и не подлежащими оценке, будет противоречить современным представлениям о добре и зле.

4. Христианские ценности: проблема содержания понятия

Рукописи, подобные рассмотренному выше Войновскому «Чину исповедания», представляют весьма любопытный источник сведений об исторических традициях христианства. В европейском публичном пространстве много говорится о тех ценностях, которые сегодня мы считаем основой собственного мировоззрения, т.е. о ценностях христианских. Проведенная на основании рассмотренного текста реконструкция системы ценностей с трудом укладывается в предлагаемые этнолингвистами исследовательские схемы.

Доктрины крупнейших мировых религий развивались в течение тысячелетий, а потому их положения не могли не изменяться. Кроме того, в основу конфессиональной доктрины может быть положено не только содержание священных книг (для христианства называемое Священным Писанием), но и труды теологов и религиозных философов, содержащие комментарии к Священному Писанию и его переводам (т.н. Священное Предание).

В мире существует огромное количество христианских деноминаций: по данным теологического семинара Гордон-Конвелл в мире насчитывается почти полтора миллиарда христиан (Christianity 2015), и следует отметить, что нарастание общих тенденций к экуменизму привело к редукции основных положений доктрин различных деноминаций и созданию популярных секуляризационных идеологий. Широко распространены, к примеру, массовые представления о христианской системе ценностей, часто служащие предметом манипуляции для различных политических партий и блоков. В качестве примера использования понятия т.н. «христианских ценностей» в политической борьбе может служить развернувшийся в польских СМИ в период обсуждения Трактата о Европейском Союзе (2004–2009 гг.) спор о необходимости включения определения христианский в ту часть Преамбулы Трактата (EU Treaty), где говорится об общем европейском наследии, см., например, публикацию «Traktat UE a chrześcijańska preambuła».

Необходимо заметить, что в популярном светском представлении о христианстве отсутствует его главная идея – идея спасения человека от греха и его последствий – смерти и преисподней, с целью обретения спасенным Царствия Небесного, т.е. соединения с Богом. Христианская этика в своей основе глубоко связана с античной моралью, однако центральным ее понятием является понятие греха, которого не знает древнегреческая философия. В связи с этим можно привести слова А. А. Тахо-Годи: «До греха человек должен был внутренне созреть. Он должен был осознавать свое ничтожество, несовершенство, глядя на какой-то идеал. И этот идеал появился в первом веке с христианством» (цит. по: Новоселова/Лебедева/Бодэ 2008). С евангельской идеей спасения неразрывно связана идея покаяния, таинства, без которого

спасение невозможно. Анализ текста «Чина покаянию» показал, что содержание того, что является грехом, исторически изменчиво, и реконструкция системы ценностей на основе данного текста не может быть до конца адекватной.

Литература

- Алмазов, А. И. (1894), Тайная исповедь в Православной Восточной Церкви: Опыт внешней истории. Тт. 1–3. Одесса.
- Арутюнова, Н. Д. (1988), Типы языковых значений. Оценка, событие, факт. Москва.
- Бартми́нский, Е. (2005), Языковой образ мира: очерки по этнолингвистике. Москва.
- БАРТМИ́НСКИЙ, Е. (2009), Какие ценности участвуют в формировании языковой картины мира славян? *Slavic Ethnolinguistics. Commission for Slavic Ethnolinguistics. Project Rastko*. В: <<http://www.rastko.rs/projekti/etnoling/delo/13522>> [доступ 8 апреля 2017].
- БЕЛОБОРОДОВ, С. А. (2015), Старообрядческая рукописная книга. В: <[monah.myftp.biz/~libria/Инославие.Раскол/Старообрядчество/Старообрядческая рукописная книга/](http://monah.myftp.biz/~libria/Инославие.Раскол/Старообрядчество/Старообрядческая_рукописная_книга/)> [доступ 10 августа 2017].
- Киклевич, А. (2017), Языковая картина мира как проблема антропологической лингвистики. В: *Филологические науки*. 1, 9–16.
- Мечковская, Н. Б. (1998), Язык и религия. Москва.
- НОВОСЕЛОВА, Е./ЛЕБЕДЕВА, Н./БОДЕ, М. (2008), Грешным делом. В: <<http://www.interfax-religion.ru/judaism/?act=news&div=23440>> (Российская газета. 20 марта 2008 г.) [доступ 10 августа 2017].
- ПОТЕХИНА, Е. А. (2009), Концепт «грех» в православном дискурсе исповеди, В: Киклевич, А./Камалова, А. (ред.), Концепты культуры в языке и тексте: теория и анализ. Olsztyn, 43–70.
- ТУГАРИНОВ, В. П. (1960), О ценностях жизни и культуры. Ленинград.
- ТУГАРИНОВ, В. П. (1968), Теория ценностей в марксизме. Ленинград.
- Устав (1883), Книга, именуемая Устав домашния молитвы и прочих христианских обрядов («Красный Устав»). В: <[http://www.staropomor.ru/Ustav\(2\)/krasn_ustav.html](http://www.staropomor.ru/Ustav(2)/krasn_ustav.html)> [доступ 10 августа 2017].
- ШВЕДОВА, Н. Ю. (ред.) (1980), Русская грамматика, т. 2. Москва.
- ВАРТМИ́НСКИ, J. (2006), *Językowe podstawy obrazu świata*. Lublin.
- Christianity (2015), Religious Diversity and Personal Contact International Bulletin of Missionary Research, Vol. 39, No. 1. W: <<http://www.gordonconwell.edu/resources/documents/2IBMR2015.pdf>> [доступ 2 февраля 2016].
- CHRUSZCZEWSKI, P. (2011), *Językoznawstwo antropologiczne. Zadania i metody*. Wrocław.
- EU Treaty (2017), Consolidated Version Of the Treaty on the Functioning Of the European Union. W: <<http://eur-lex.europa.eu/legal-content/PL/TXT/?uri=CELEX%3A12012E%2FTXT>> [доступ 2 августа 2017].
- HARE, R. M. (1967), *The language of morals*. Oxford.
- HUSTON, S. (2013), *Corpus approaches to evaluation. Phraseology and evaluation language*, New York.
- INGARDEN, R. (1966), *Przeżycie, dzieło, wartość*. Kraków.
- КИКЛЕВИЧ, А. (2004), Nominacja czy reprezentacja? (O niektórych dyskusyjnych zagadnieniach współczesnej semantyki kognitywnej). W: Alekseenko M./Kuczyńska M. (red.), *Słowo. Tekst. Czas*. VII. Nowe środki nominacji językowej w nowej Europie. Szczecin, 389–396.
- КИКЛЕВИЧ, А. (2009), Стереотипы в структуре межкультурной коммуникации. В: Шайдунов В. Н./Киклевич А. К. (red.), *Стереотипы и национальные системы ценностей в межкультурной коммуникации*, Выпуск 1. Санкт-Петербург/Olsztyn, 100–116.